

ИРИНА В. СТАРОДУБРОВСКАЯ

Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Москва

РАНХиГС, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7073-5905

Исследование закрытых сообществ: заметки о чужом и собственном опыте

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-78-108

78

Резюме:

В статье автор анализирует особенности полевых исследований в закрытых сообществах, ценности и образ жизни которых существенно отличаются от доминирующих в обществе, что заставляет эти сообщества отгораживаться от чужаков. Подробно рассматривается литература, посвященная методологии этнографических исследований закрытых сообществ, и имеющиеся примеры подобных исследований. В то же время автор опирается в первую очередь на собственные исследовательские практики на Северном Кавказе в процессе изучения фундаменталистских исламских сообществ, которые можно отнести к закрытым. Статья представляет собой опыт саморефлексии по результатам многолетней полевой работы. В ней затрагиваются проблемы входа в закрытые сообщества, влияния позиционирования исследователя в поле на результаты исследования, этические аспекты полевой работы, трудности с презентацией результатов исследования закрытых сообществ. Обсуждаются также другие дискуссионные методологические вопросы, связанные с подобными исследованиями:

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель направления «Политическая экономия и региональное развитие» Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», ведущий научный сотрудник РАНХиГС, Москва. Научные интересы: социальные трансформации, социология города, социология религии, радикализация и радикальные исламские движения. E-mail: irinavstar@gmail.com

Статья отражает результаты исследования, проведенного в рамках НИР государственного задания РАНХиГС.

должен ли исследователь отражать позицию своих информантов либо собственные представления, может ли исследователь избежать необъективности и предвзятости, что делать с проблемой искажающего влияния исследователя на исследуемое им поле. Не все используемые автором инструменты универсальны и могут быть воспроизведены в других контекстах. Однако такие подходы, как реализация модели этнографии-диалога, использование множественности идентичностей членов городских закрытых сообществ, развитие исследования вширь (увеличение числа объектов исследования) при невозможности его развития вглубь (более детальное изучение ограниченного числа объектов), сочетание личных контактов с использованием социальных сетей могут быть полезны для других исследователей сложных полей.

Ключевые слова: полевые исследования, закрытые сообщества, исламский фундаментализм, Северный Кавказ, гражданское общество, множественность идентичностей, этнографическое родство

Irina V. Starodubrovskaya¹

Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow
RANEPA, Moscow, Russia

Research of “Closed Communities”: Notes on My Own and Others’ Experience

79

Abstract:

In this article, the author analyses peculiarities of the fieldwork in so-called “closed communities”; those which differ significantly from the mainstream in their values and lifestyle and, as a result, try to prevent an influx of strangers. Literature on the methodology of closed community ethnography—as well as specific cases of research on this subject — are analyzed in detail. Nevertheless, the author mainly discusses her own practices in her research of Islamic fundamentalist communities in the North Caucasus, which can be considered “closed”. The article is an attempt of self-reflection based on a long experience of fieldwork. Problems such as the initial entry into “closed communities”, the impact of the researcher’s positioning in the field on research outcomes, ethical aspects of fieldwork, and difficulties in the presentation of the findings about closed communities are addressed. Some other controversial methodological issues are also discussed, among them: whether a researcher should reflect the position of informants or his/her own ideas; if it is possible to remain unbiased; what to do with the distorted influence of a researcher on a field. Not all the instruments used by the author in the field are universal and can be applied

- 1 Irina V. Starodubrovskaya — candidate of science, economics; head of the department “Political Economy and Regional development” at the Gaidar Institute for Economic Policy, senior researcher at RANEPA. Research interests: social transformations, urban sociology, sociology of religion, radicalization and radical Islamic movements. E-mail: irinavstar@gmail.com

to other contexts. However, specific approaches — such as the application the “ethnography-dialog”, the use of multiple identities of the members of closed communities in cities, the widening of the scope of research (increasing the number of research objects) in cases where it is impossible to deepen it (analyzing the limited number of objects in greater detail), and the combination of personal contacts with social media — can be useful for other researchers of complicated fields.

Keywords: field work, closed communities, Islamic fundamentalism, the North Caucasus, civil society, multiple identities, ethnographic kinship

«Для меня антропология — это как раз о начале путешествия по длинному туннелю. ... Потери, скорбь, стремление запомнить, желание войти в мир вокруг тебя при полном отсутствии идей, как это сделать; страх наблюдать чересчур холодно, чересчур отвлеченно или чересчур пристрастно; злость на малодушие; озарение, которое всегда приходит чересчур поздно; непокорный прошлый опыт; осознание полной бесполезности писать что-либо и при этом сжигающее желание что-то написать — остановки на этом пути. В конце путешествия, если повезет, ты заметишь проблеск маяка и будешь благодарен. Жизнь, при всем при том, щедра к тебе».

80

Рут Бехам «Уязвимый наблюдатель» (с. 2, 3)

Характеристика исследования закрытых сообществ — общие замечания

Этнография — это практически всегда о пересечении границ: пространственных, социальных, культурных. Любое сообщество, становясь объектом этнографического исследования, создает для исследователя многочисленные вызовы, связанные с входом в сообщество, различием его формальной и неформальной структуры и норм, искажением информации в процессе общения. Тем не менее можно предположить, что глубина и характер этих вызовов зависят от того, насколько сообщество является открытым или, наоборот, закрытым с точки зрения возможностей доступа в него чужаков и готовности его членов общаться и делиться информацией. Безусловно, на практике нет как абсолютно открытых, так и абсолютно закрытых сообществ, подобные категории можно рассматривать скорее как идеальные типы. Однако для методологии и оценки результатов этнографического исследования степень открытости/закрытости его объекта является немаловажным фактором.

Закрытое сообщество можно охарактеризовать как сообщество, нормы которого отличаются от приемлемых для мейнстрима того общества, в рамках которого оно существует, что может привести

к его виктимизации, усиливает границу свой — чужой и влияет на характер взаимодействия его членов с окружающим миром. К этой категории можно отнести, например, криминальные сообщества, секты и радикальные религиозные группы, андерграундные субкультуры. Исходя из моего опыта, аналогичными характеристиками могут обладать глубоко традиционные местные сообщества, пытающиеся отгородиться от современного мира. Подобные сообщества стремятся:

- ограничить доступ лиц, не принимающих его внутренние нормы, в свою среду;
- ограничить распространение информации о внутренней жизни сообщества в окружающем мире;
- когда предоставлять информацию оказывается необходимым — выступать по отношению к внешнему миру в качестве неделимого и идеологически выверенного целого, всячески затушевывая проблемы и противоречия в собственной среде¹.

Частично такой подход может быть связан с недоверием к чужакам и рассмотрением их как возможного источника дальнейшей виктимизации, частично — со стремлением уберечь членов своего сообщества от «тлетворного влияния» извне, частично может предписываться внутренними нормами как часть культурного кода².

81

Несмотря на возникающие сложности, нельзя сказать, что исследования закрытых сообществ не получили распространения. Напротив, подобные объекты всегда были привлекательными для этнографов. Написанные по их результатам книги часто становились бестселлерами. Широкой известностью пользуются работы, посвященные криминальным сообществам «черной Америки», такие как книга Элис Гофман «В бегах. Жизнь беглеца в американском городе» («On the Run. Fugitive Life in an American City») или Суд-

-
- 1 Яркий пример подобной ситуации проявился в одном из интервью, когда я спросила своего собеседника, почему он перестал ходить в мечеть, сообщество которой, как я знала, раздирали жесткие конфликты. Но он стал мне говорить о том, что его там не устраивают подставки под обувь, которую верующие снимают, входя в молельный зал, они неудобно там стоят. При этом такая интерпретация вряд ли была связана с отсутствием доверия, мы встречались неоднократно и по другим вопросам разговаривали вполне откровенно.
 - 2 Заметим, что проблематика исследования так называемых опасных полей (полевая работа в условия вооруженного конфликта, распространения насильственных практик) не совпадает с проблематикой закрытых сообществ, хотя и может пересекаться с ней. Свою работу в поле я не могу в полной мере отнести к исследованию опасных полей, хотя в отдельные моменты ситуация приближалась к подобным условиям.

хира Венкатеша «Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы» [Goffman 2014; Венкатеш 2018]. Однако специфика закрытых сообществ серьезно влияла как на характер этих исследований, так и на отношение к ним в научной среде.

Во-первых, в подобные сообщества нельзя «устроиться на работу» или войти каким-либо другим институциональным способом. Исследователи попадают в них во многом случайно, благодаря стечению обстоятельств. И здесь имеют значение факторы, далеко не всегда сводящиеся к научной квалификации. Склонность к риску или способность и желание, как выразилась Гофман [Goffman 2014: 229], «идти дальше, чем предполагалось и было безопасно», играет, судя по всему, не менее важную роль.

Венкатеш, стремясь провести соцопрос в беднейших черных гетто Чикаго, оказался в конфликтной ситуации с местными гангстерами, принявшими его за шпиона банды конкурентов. Неожиданно ему на помощь пришел главарь банды Джей Ти, заинтересовавшийся проводимым им исследованием. «Казалось, что он был почему-то заинтересован в моем успехе или, на худой конец, считал себя ответственным за мою безопасность», отмечает социолог в своей книге [Венкатеш 2018: 37]. Забрав его методы, главарь банды сказал, что нужно просто пообщаться с людьми и понять, почему молодежь живет на улицах. Молодой исследователь принял вызов. «Я понял, что, если я действительно хотел понять сложную жизнь черной молодежи в трущобах Чикаго, у меня был только один вариант: принять совет Джей Ти и пообщаться с людьми. Так что я вернулся назад в проджекты в Лейк-парк, чтобы снова найти Джей Ти и его банду» [Там же: 39]. За этим последовало более 10 лет полевых исследований.

Ситуация с Гофман не столь однозначна. После этнографического исследования, проведенного в студенческой столовой, где работал «черный» персонал, она осознанно стремилась проникнуть в бедные черные кварталы Филадельфии, чтобы, по ее словам, «понять жизнь тех, с кем я работала, дома и в соседстве, вне преимущественно “белого” кампуса, куда они приходили работать» [Goffman 2014: 215]. Она устроилась репетитором к внукам женщины, живущей в подобном квартале, и постепенно стала изучать среду, в которой оказалась. Тем не менее то, что в результате ей удалось переключиться на сообщество молодых людей, перебивающихся случайными заработками и мелким криминалом, а затем посвятить шесть лет их исследованию, во многом также было стечением обстоятельств.

Во-вторых, исследователи подобных сообществ испытывают более или менее серьезные сложности в продвижении вглубь сообщества, расширении круга информантов, выходе из-под влияния тех, кто обеспечил им первоначальный доступ. Венкатеш, понимая,

что ему «показывали значительно подкорректированную версию событий» и ко многому не допускали, в какой-то момент четко сформулировал основную проблему углубления своего исследования: «найти способ вырваться из хватки Джей Ти» [Венкатеш 2018: 92].

Мой собственный опыт позволяет утверждать, что одной из отличительных черт работы в закрытых сообществах становится частичная или полная невозможность использовать метод «снежного кома». Это может быть связано с различными факторами. Так, если норма внутри сообщества — ограничение общения с чужаками, собеседник может взять риск нарушения этой нормы на себя, но, скорее всего, он не считает возможным навязывать его другим. Или не хочет, чтобы расширение круга общения привело к изменению той картины жизни внутри сообщества, которую он стремится транслировать исследователю. Или искренне считает, что продвижение вглубь может создать риски для самого исследователя. Нередко складывались ситуации, когда, например, приходилось искать 4-5 отдельных входов извне в закрытое местное сообщество, и это оказывалось проще, чем использовать метод «снежного кома» внутри него¹.

В-третьих, одна из серьезнейших проблем подобных исследований — их этическая составляющая. Каким образом должны строиться отношения с собеседниками, чьи ценности не соответствуют, а иногда и полностью противоречат жизненным установкам исследователя? До каких пределов исследователь должен и может погружаться в их жизнь, разделять их опыт? Как предохранить себя от серьезных личностных деформаций в ходе подобных исследований? Рассуждения Гофман о том, должна ли она участвовать в наркоторговле или попытаться попасть в тюрьму, чтобы испытать переживания, аналогичные объектам своего исследования, и ее параноидальные страхи по возвращении в собственную культурную среду показывают, что это далеко не праздные вопросы. Их обсуждению посвящена богатая этнографическая литература, о которой речь пойдет ниже.

В контексте рассматриваемых исследований данная проблема возникает изначально, поскольку само проникновение в закрытое сообщество во многом определяется возникновением особых эмоциональных связей (симпатии, дружбы, взаимного интереса) с кем-либо из его членов, что позволяет преодолеть первоначальный барьер

1 Любопытно, что некоторые исследователи вооруженных конфликтов, напротив, отмечали метод «снежного кома» как основной способ решения проблемы недостатка доверия к этнографу в конфликтных зонах [Malejacq, Mukhopadhyay 2016]. Это еще раз подтверждает несовпадение проблематики закрытых сообществ и опасных полей.

ер чужака. «Я чувствовал странную близость с Джей Ти, непохожую на связь, которую чувствовал с близкими друзьями. Это было бы трудно объяснить тогда и трудно до сих пор, но мы как-то быстро завязали близкую дружбу» [Венкатеш 2018: 40]. Подобные отношения получили в литературе название этнографического родства [Jauregui 2017]. Гофман в данном случае — прекрасный пример: в компании «черных» молодых людей ее представляли как сестру или приемную сестру. Кроме того, эмоционально окрашенное восприятие происходящего может быть связано со столкновением с чуждой, неизведанной средой (именно такое отношение во многом делает исследователя способным изучать закрытые сообщества). «Я был слишком захвачен остротой ощущений от наблюдения за жизнью гангстеров. ... Передо мной было кино, ставшее реальностью» [Венкатеш 2018: 47, 48].

84

Все это усиливает угрозу, которая звучит по-английски как *going native*, а именно некритическое принятие свойственных закрытому сообществу правил и норм. В этой ситуации для исследователя существует опасность «самому стать частью исследуемой социальной проблемы (проблем), а не источником смягчающего влияния на нее» [Chancer, Jakobson 2016: 245]. Знаменитая история участия Гофмана в поисках убийцы одного из членов их компании с целью его устранения, что позволило ее критикам заявить о нарушении базовых этических норм и даже поставить под вопрос саму научную ценность проведенного ею исследования [Lubert 2014], хорошо иллюстрирует подобный риск. «Оглядываясь назад, я счастлива, что я поняла, что это значит — чувствовать желание, чтобы человек умер. Не просто понять желание возмездия у других, но чувствовать его внутри себя» [Goffman 2014: 263].

Однако это далеко не единственная проблема, с которой приходится сталкиваться исследователю закрытых сообществ. Обратная ситуация — неприятие, эмоциональное отторжение чуждых культурных норм — серьезный барьер для исследователя, обсуждению которого посвящено достаточно много работ, например в сфере этнографии насилия¹. Экзистенциальный шок от полевых наблюдений насилия, опыт невыносимого — также часть этнографического опыта, требующая глубокого анализа, как и ощущение соучастия в переходе границы, которую ценностные установки переходить не позволяют. Отсюда появление термина «грязная антропология». «Ты никогда не можешь быть “чист” в твоих действиях по наблюде-

1 Этические вопросы этнографии насилия обсуждаются, в частности, в таких работах, как [Robben, Nordstrom 1995; Sluka 1999; Kovats-Bernat, 2002; Jauregui 2013; Jauregui 2017; Jones, 2019].

нию, анализу, описанию и представлению, даже если в своих намерениях ты ставишь подобную цель» [Jauregui 2013: 147].

Этнографы пытаются найти некий средний путь, позволяющий решать проблемы как первого, так и второго рода. Беатрис Джауреги предлагает подход, основанный на «критической эмпатии» — «способности примерно понимать и объяснять представления и практики других, одновременно поддерживая дистанцию, которая позволяет, более того, требует, ставить под вопрос и критиковать эти же представления и практики» [Jauregui 2017: 63]. Чансер и Джекобсон [Chancer, Jakobson 2016: 245] также говорят о «рефлексивном разрыве между мыслью и чувством» как способе определить правильную линию поведения в неоднозначных ситуациях. В то же время очевидно, что этические риски, связанные с работой в закрытых, виктимизированных сообществах, во многом объективно обусловлены. Рут Бехар в книге «Уязвимый наблюдатель» прекрасно демонстрирует всю противоречивость ситуации, когда одновременно надо понять позицию изучаемых и не встать на их точку зрения, быть участником их жизни и при этом оставаться наблюдателем. «А когда заканчиваются грантовые деньги или истекает срок летнего отпуска, пожалуйста, встаньте, отряхните грязь, возвращайтесь к своему письменному столу и пишите, что вы видели и слышали. Соотнесите это с тем, что вы читали у Маркса, Вебера, Грамши или Гирца, и вы окажетесь в процессе занятия антропологией» [Behar 1996: 5], — с очевидным сарказмом пишет она. Но, собственно, вся ее книга посвящена тому, что в жизни это далеко не всегда удается сделать столь просто.

85

В-четвертых, отношение к результатам подобных исследований часто характеризуется по меньшей мере неоднозначностью. Это определяется факторами, связанными как с исследовательской культурой, так и с общественным мнением. Результаты исследований в социальных науках вообще плохо поддаются проверке, но в случае закрытых сообществ эта проблема существенно усугубляется. Осложняет ситуацию и то, что представления о закрытом сообществе внутри и вовне его по причине ограниченности информации и существующих стереотипов часто различаются между собой кардинально. И если позиция исследователя оказывается отличной от господствующей в обществе, это порождает сомнения в непредвзятости и адекватности результатов.

В полной мере эта проблема проявилась применительно к Элис Гофман, которую обвинили не только в действиях, нарушающих закон, но и в подтасовке результатов исследования [Lubert 2014; Campos 2015; Lubert 2015]. При этом, как справедливо утверждают некоторые представители научного сообщества, несоответствию результатов исследования Гофман и итогов проверки, которую

попытались организовать ее критики, могут быть различные объяснения. Например, «... вместо предположения, что Гофман последовательно лгала об арестах, которые она наблюдала в больницах и на похоронах, как известно социологам, возможна альтернативная гипотеза. Можно допустить, что институциональные акторы (например, некоторые, если не все, офицеры полиции) могли отвечать исходя из необходимости защиты своей субкультуры, не всегда признавая или, возможно, даже не зная о действиях, которые тем не менее происходят (происходили) в действительности» [Chancer, Jakobson 2016: 243].

Кроме того, само погружение в жизнь виктимизированного сообщества, взаимодействие с его представителями с позиций доброжелательности и сочувствия может вызвать негативную эмоциональную реакцию и сформировать соответствующее отношение как к фигуре исследователя, так и к полученным результатам. Та же Гофман [Goffman 2014: 242] упоминает о том, что, когда она погрузилась в жизнь черного района, старые друзья перестали с ней общаться, причем «некоторые из этих отношений закончились резкими словами о странной и рискованной жизни, которую я веду».

86

Сообщества исламских фундаменталистов на Кавказе как объект исследования

В данной статье речь пойдет о моем исследовании сообществ исламских фундаменталистов на Северном Кавказе. Его цель состояла, прежде всего, в том, чтобы выявить причины радикализации в рамках данных сообществ, приводящей к насильственным практикам, и понять, какие пути предотвращения подобных явлений могут быть эффективными.

Определение фундаментализма в различных религиях достаточно универсально. Это возвращение к догматике первоисточников — священных текстов (в данном случае — Корана и Сунны), организация всей жизни на основе требований религии, которые, правда, могут пониматься различными группами очень по-разному (в исламе речь идет о следовании опыту праведных предков), что обычно сопровождается нетерпимостью к альтернативным взглядам и отрицанием свойственных современному обществу ценностей, в том числе плюрализма. Оговорюсь сразу: мое исследование не ставило своей задачей оценку богословской составляющей внутриконфессиональных дискуссий в исламской среде.

С одной стороны, моя профессиональная подготовка никоим образом не является достаточной для подобного рода оценок — у меня отсутствует как востоковедческое, так и богословское образование, я не знаю арабский язык. С другой стороны, мне представляется,

что исследование постсоветской социальной трансформации на Северном Кавказе может дать гораздо больше для понимания исламской радикализации и религиозно окрашенных конфликтов, чем просто анализ религиозных текстов. В отношении роли последних в исследовании не могу не согласиться с позицией Оливье Руа [2018: 17]: «Что ислам говорит о том, о сем? Я не намерен вдаваться в бесплодные дебаты. Священная книга — не кодекс Наполеона и не страховой полис, где все расписано в недвусмысленных терминах. Она по определению неоднозначна и служит предметом споров и интерпретаций. Если люди до сих пор спорят о том, что на самом деле говорит Коран, значит, на самом деле никто этого не знает. ... Подлинно ключевой вопрос не в том, о чем говорит Коран, а в том, что говорят мусульмане по поводу того, о чем говорится в Коране».

А вот об объекте исследования важно сказать несколько предварительных слов. С точки зрения внешних наблюдателей, ситуация в северокавказском исламском сообществе до последнего времени характеризовалась дискурсом конфликта суфиев и салафитов, где суфии трактовались как умеренные, способные существовать в светском обществе, принимать его ценности и признавать светскую власть, а салафиты (или ваххабиты) — как фанатики, стремящиеся ниспровергнуть модерн, вернуться во времена средневековой теократической диктатуры и использовать широкомасштабное насилие для достижения этой цели. В то же время позиции в исследовательском сообществе достаточно сильно отличаются от подобного дискурса. Я не буду останавливаться здесь на адекватности представлений об умеренности суфиев. Замечу только, что это является не просто существенным, но недопустимым упрощением реального разнообразия среди представителей подобных религиозных взглядов. Но в данном случае более важно обратиться к пониманию фундаменталистской (в популярном дискурсе салафитской или ваххабитской) среды.

Начнем с того, что представление об исламском фундаментализме как возврате в Средневековье получило далеко не единодушную поддержку среди исследователей. Это движение нередко трактуется как исламизация модерна и исламизация протеста против реальных несправедливостей в отношении мусульман. По словам Оливье Руа [Там же: 25], исламское возрождение как реакция на двухвековую вестернизацию мусульманских обществ «не означает возвращения ни к “премодерному” обществу, ни к той аутентичности, что была якобы разрушена влиянием чуждой культуры. Это скорее попытка “исламизировать модерн” ... Исламские радикалы воображают себя представителями традиции, тогда как в действительности они — фотографический негатив вестернизации». С этим соглашаются и некоторые исследователи Северного

Кавказа. «Салафизм можно рассматривать как идеологическую оболочку процесса социальной модернизации и выделения индивида из системы клановых связей, до сих пор цементирующих дагестанское общество» [Макаров 2000: 27]. Проводятся параллели между фундаменталистскими движениями и молодежными бунтами европейской молодежи в конце 1960-х годов. «Молодежь 1960-х приступила к тому, чем уже не первое десятилетие занимались фундаменталисты, — они начали создавать “контркультуру”, “альтернативное общество”, бунтуя против господствующих взглядов» [Армстронг 2013: 277].

Среди исследователей признается, что сообщества исламских фундаменталистов существенно неоднородны и фрагментированы по своим взглядам и идеологиям. Классификация существующих здесь течений может производиться по разным основаниям. Нередко в их рамках выделяют умеренных (не приемлющих насилия для достижения своих целей) и сторонников насильственных действий, обычно называемых джихадистами. Рассматривая радикализацию как процесс, в ходе которого индивид принимает идеи, ведущие к решительному отрицанию статус-кво, ряд исследователей выделяет ненасильственную радикализацию (т. е. радикализацию, не предполагающую насилие в отношении других членов общества и насильственный захват власти), которая не считается преступлением в рамках западных демократий, и насильственную радикализацию, представляющую реальную угрозу для общества [Koehler 2017].

Принято также разделять исламистов на сторонников политического ислама, активно участвующих в политической жизни общества, и на аполитичных представителей фундаменталистских движений, в первую очередь озабоченных внедрением в повседневную жизнь шариатских норм и правил. Оливье Руа [Roy 1994], называя последних неофундаменталистами, утверждал, что исламизм является современным движением, тогда как неофундаментализм — консервативным, однако исламисты демонстрируют тенденцию к принятию неофундаменталистских консервативных норм. Таким образом, картина соотношения архаики и модерна в рамках исламского фундаментализма существенно усложняется.

Следует признать, что подобные классификации, способствуя уточнению наших знаний о рассматриваемом предмете, в то же время существенно упрощают реальную картину, преуменьшая действительную фрагментацию в рамках исламского фундаменталистского сообщества, а также не давая представления о неустойчивости, текучести, относительности любых идеологических и организационных разделений. На это обращает внимание, например, Марк Сейгман в своем анализе джихадистских сообществ, пред-

почитая называть их сгустком, т. е. рыхлым, аморфным объединением людей, внутренняя динамика которого напоминает броуновское движение. «Это политическое протестное сообщество тем самым является полицентричным, в нем отсутствует организация, которая может контролировать и дисциплинировать его» [Sageman 2016: 121].

Подход к исследованию закрытых сообществ — личный опыт

Как и в перечисленных выше случаях исследований закрытых сообществ, мой вход в него был фактически случаен. В Кабардино-Балкарии в 2012 году меня познакомили с представителем фундаменталистских взглядов, он предложил связать меня со своими друзьями в Дагестане. Так я начала общаться с группой молодых мусульман-фундаменталистов, которые принадлежали к различным религиозным ответвлениям этого течения, но которых объединяло неприятие насилия и активная общественная позиция. Постепенно общение становилось все более тесным, в первую очередь благодаря различным формам совместной деятельности в рамках гражданского общества. В какой-то момент они сами поставили передо мной вопрос о том, что никто из исследователей не занимается всерьез причинами ухода молодежи «в лес», присоединения к незаконным вооруженным формированиям. Я сказала, что готова взяться за эту проблему, если они будут мне помогать. Возможно, моя квалификация в тот момент была недостаточна для решения подобной задачи, но я, как и Элис Гофман, была готова идти дальше, чем ожидалось или было безопасно. Так началось наше необычное сотрудничество, которое продолжалось около пяти лет.

В ходе исследования я взаимодействовала с различными сообществами, характеризующимися разным положением на шкале открытость/закрытость, а именно:

- городское исламское фундаменталистское сообщество сложной структуры, разные слои которого оказывались в разной степени открытыми для внешнего наблюдателя;
- исламские фундаменталисты в открытых сельских сообществах;
- исламские фундаменталисты в закрытых сельских сообществах.

Наиболее серьезная проблема, вполне типичная для закрытых сообществ, для меня состояла в том, что я не могла войти в сообщество, приняв ту же идентичность, что и объекты моего исследования. Другими словами, я не могла «устроиться работать» исламской фундаменталистской и не считала для себя этически возможным

имитировать принятие ислама в исследовательских целях. Более того, я не скрывала ни своей светской идентичности, ни своих либеральных взглядов. Тем самым для исламского фундаменталистского сообщества я в любом случае оставалась чужаком, внешним наблюдателем. Более того, у меня не было возможности в течение длительного времени постоянно находиться в той среде, которую я стремилась изучать. Я приезжала на полторы — две недели в одну из северокавказских республик, потом на какое-то время возвращалась в Москву, затем приезжала снова туда же или в другую республику. Такой режим, когда в сумме я проводила на Северном Кавказе 3-4 месяца в году, сохранялся около пяти лет¹.

Выход, который я, во многом интуитивно, нашла в подобной ситуации — это использование множественности идентичностей современного человека. Для значительной части исламских фундаменталистов, несмотря на чрезвычайную важность для них исламской идентичности, она не вытесняет полностью все остальные. Не имея возможностей преодолеть барьер свой — чужой в рамках исламского сообщества на Северном Кавказе, я стала своей для северокавказского гражданского общества. Это произошло в ситуации, когда идентичность гражданских активистов, борцов за гражданские права играла немаловажную роль для различных сообществ на Северном Кавказе, в том числе и для части исламского.

С точки зрения темы моего исследования, основной интерес для меня представлял Дагестан. В тот период, когда я начинала эту работу, Махачкала была сплошным дискуссионным клубом. Город, постепенно переваривающий масштабные потоки сельских мигрантов, стремился проговорить себя, собственные ценности и смыслы. Практически каждый вечер функционировали какие-то дискуссионные площадки на базе учебных заведений, кафе и антикафе, бизнес-клубов. Пользовались популярностью и различные просветительские инициативы, городское сообщество стремилось как

1 Неочевидно, что подобное прерывистое нахождение в поле однозначно является недостатком. Исследователи конфликтных полей отмечали, что это помогает налаживать отношения с разными сетями доверия, тогда как при постоянном пребывании в поле более сложно менять позиционирование и обеспечивать контакты с представителями различных групп. «Мы осуществляли множественные выезды на месяцы, недели, иногда даже дни, что позволяло нам входить и выходить [из поля] на наших собственных условиях. Мы формировали доверие на основе повторяющегося взаимодействия в течение нескольких лет с широким кругом индивидов, включая тех, у кого были плохие отношения или вообще никаких отношений между собой. Время между поездками позволяло нам целенаправленно создавать более сбалансированную панель информантов» [Malejacq, Mukhopadhyay 2016: 1021].

можно больше узнать о времени и о себе. Тем не менее используемые форматы были достаточно закрытыми. Часть практикующих мусульман посещала некоторых из них, но эта практика не была широко распространена. В городе к этому относились с настороженностью, мусульман не стремились привлекать к участию в общественных проектах.

Я активно включилась в работу в рамках гражданского общества и постепенно стала влиять на используемые здесь форматы, иницилируя при поддержке Комитета гражданских инициатив достаточно масштабные общественные и просветительские проекты¹. Основным принципом их организации была открытость для любых участников, не приемлющих насилия, в том числе для практикующих мусульман и умеренных исламских фундаменталистов. Я также стремилась оказывать влияние на другие гражданские проекты с целью более открытого доступа на их площадки. Более того, я предпринимала специальные усилия для вовлечения мусульман в эти форматы. Основная часть подобных проектов приходилась на Дагестан, но к ним привлекались участники, в том числе практикующие мусульмане, и из других регионов Северного Кавказа.

С точки зрения исследовательской практики это можно интерпретировать как стремление к активизации альтернативной, гражданской идентичности практикующих мусульман, в том числе исламских фундаменталистов, что позволяло мне хотя бы частично преодолевать барьер, связанный с отсутствием общей религиозной идентичности с объектами моего исследования. Однако эта практика не была манипулятивной. Я искренне считала и считаю, что взаимодействие между светской и исламской частями гражданского общества на Северном Кавказе может существенно повысить эффективность его функционирования, и я старалась создать условия для выработки форматов подобного взаимодействия. Кроме того, мне представлялось важным снижать предубежденность общерос-

91

1 Комитет гражданских инициатив (КГИ) — сообщество, политиков, экспертов и общественных деятелей, созданное Алексеем Кудриным и рядом других лидеров общественного мнения в 2012 году и позиционировавшее себя как внепартийное объединение профессионалов в ключевых сферах жизни. Совместно с КГИ мы регулярно организовывали крупные общественные дискуссии по актуальным и острым проблемам Северного Кавказа как в Москве, там и в различных республиках СКФО, в том числе двухдневный семинар в Махачкале с участием приглашенных из Москвы ведущих экспертов в различных сферах. Представители северокавказского гражданского общества активно вовлекались в общероссийские мероприятия, в том числе участвовали в Общероссийском гражданском форуме. Также было проведено исследование гражданского общества в регионах СКФО с участием местных экспертов.

сийского гражданского общества по отношению к Северному Кавказу, приглашая видных общественных деятелей к участию в просветительских проектах в регионе, а также втягивая северокавказских участников в общероссийские гражданские мероприятия. Подобные инициативы нашли позитивный отклик на Северном Кавказе, в том числе у части мусульман. Возможность более глубокого проникновения в исламское фундаменталистское сообщество стало побочным продуктом этой деятельности.

Для начала подобная работа повлияла на восприятие меня в городских исламских фундаменталистских сообществах (речь идет в первую очередь о Махачкале и Хасавюрте в Дагестане). Она позволила установить достаточно устойчивые связи, основанные не только на личных отношениях, но и на взаимном интересе (для меня было важно провести исследование, им — получить доступ к новым форматам гражданского участия) с социально активной частью практикующих мусульман. Кроме того, она расширила мои контакты с теми представителями исламской интеллигенции, которые до этого не стремились включаться в гражданскую жизнь за пределами исламских сообществ, но которых удалось заинтересовать новыми форматами мероприятий.

92

Однако за пределами активной части исламского сообщества эффект от подобной работы не особо ощущался. В городской среде наиболее закрытая часть умеренных фундаменталистов и тем более радикалы, исповедующие насильственный путь захвата власти, в массе своей остались для меня недоступны. Контакты с ними являлись единичными и случайными и не давали полного представления об их мотивации и жизненных стратегиях. В этом мне приходилось полагаться в первую очередь на экспертное мнение представителей исламской интеллигенции, а также на мониторинг социальных сетей.

Что касается исследовательской работы в селах, то входы в них обеспечивались в первую очередь через круг моего общения в Махачкале. Подавляющее большинство жителей столицы Дагестана — это мигранты из сел в первом или втором поколениях. Подобная ситуация открывала уникальные перспективы доступа в села с использованием городских контактов.

Возможность исследовательской работы в селе по моей тематике предполагала обеспечение доступа двух типов: 1) вход в сельское сообщество; 2) доступ к исламским фундаменталистским кругам в рамках этого сообщества. Применительно к открытым и закрытым сообществам организация доступа осуществлялась по-разному. В открытых местных сообществах обычно можно было организовать несколько входов с разных сторон; была возможность прожить в селе несколько дней; работал метод «снежного кома». Поэтому, если

не удавалось обеспечить доступ к фундаменталистам извне, в конце концов находились возможности сделать это изнутри. В закрытых местных сообществах в большинстве случаев не было возможности остановиться надолго и не работал метод «снежного кома». Поэтому исследование организовывалось путем нескольких кратковременных выездов к информантам, доступ к которым каждый раз обеспечивался через новые контакты в городах (либо через социальные сети, о чем ниже).

Тем не менее даже в случае открытых сел кратковременность моего пребывания не позволяла полностью вписаться в исследуемую среду. Это было связано не только с используемым дизайном исследования, предполагавшим прерывистое пребывание в поле, но и с тем, что объект моего исследования являлся достаточно чувствительным для местных властей и силовых структур, что могло вызвать нежелательное внимание к моим информантам и создать дополнительные угрозы для их безопасности¹. Тем самым в селах для меня возникала та же проблема, что и в городах: я не могла стать полностью своей. Многократные визиты в одно и то же сообщество и поддержание контактов через социальные сети могли несколько смягчить проблему, но не решали ее по существу. В качестве основного способа преодоления этого барьера я рассматривала пространственное расширение поля, не имея возможности во многих случа-

93

1 Оценка рисков для моих помощников и собеседников являлась необходимым элементом моего полевого исследования. В отдельных случаях я отказывалась от работы на тех территориях, где подобные опасности представлялись мне значительными. Лишь в одном случае преследование человека, помогавшего мне в проведении исследования, могло быть каким-то образом связано с фактом сотрудничества со мной (во всяком случае так это трактовалось некоторыми его близкими). Я не была вовремя поставлена в известность о возникших у этого человека проблемах, а когда через несколько месяцев информация дошла, мое вмешательство уже не могло повлиять на происходящее.

Недооценка рисков в этом случае могла быть связана с тем, что исследование проводилось в том же регионе, где у меня была большая практика полевой работы, но в другой его географической части. Некритически перенеся прошлый опыт на новые объекты, я могла недоучесть степень разнообразия реакции на фигуру внешнего исследователя в разных частях одного и того же региона, и тем самым преуменьшить возможные проблемы. В то же время не очевидно, что эти факторы действительно оказали серьезное влияние. Обстановка в селе, где проводилось исследование, была чрезвычайно напряженной, и мой помощник был в центре разворачивавшегося там конфликта. Весьма вероятно, что именно внутренние причины сыграли ключевую роль. Тем не менее эту ситуацию я переживала очень тяжело, и она заставила меня в дальнейшем обращать на оценку рисков еще более пристальное внимание.

ях продвигаться вглубь, я продвигалась вширь. За все годы в полевое исследование были в разной степени включены более 50 городов и сел в пяти северокавказских республиках (Дагестан, Чечня, Ингушетия, КБР, КЧР), а также некоторые зарубежные диаспоры северокавказских сел.

В отличие от городов, в селах используемые мною исследовательские подходы позволили обеспечить возможность изучения не только верхушки, наиболее активной части исламского сообщества, но и, если можно так выразиться, его рядовых членов. Это дало возможность частично преодолеть исследовательские ограничения, накладываемые ситуацией в городах, однако и здесь общение с реальными радикалами — сторонниками насильственных методов — было лишь эпизодическим. При этом необходимо отметить, что умеренные исламские фундаменталисты, как это ни странно, нередко оказывались наиболее открытой частью закрытых сообществ. Взаимодействие с их оппонентами, а также с представителями местной власти часто требовало гораздо больших усилий.

94

Формируемый деятельностью в рамках гражданского общества имидж не оказывал прямого влияния на восприятие меня в селах — эта работа практически не затрагивала сельских жителей. Но поскольку для доступа в села использовались городские контакты, мои возможности исследований в сельских исламских сообществах постепенно расширялись. Кроме того, активное присутствие в средствах массовой информации и социальных сетях также способствовало усилению узнаваемости. Через несколько лет работы на Северном Кавказе я могла выходить на своих потенциальных информантов как в городе, так и селе напрямую, и часто им уже не нужно было объяснять, кто я такая.

Наряду с работой непосредственно в поле, в своем исследовании я активно использовала социальные сети, в первую очередь Фейсбук. При этом я понимала, что здесь необходимо проявлять осторожность. Социальной сети никогда точно не известно, кто является носителем той или иной позиции, если не знаешь человека лично. Мнения могут искажаться в угоду моде, политическому заказу или просто «по приколу». Поэтому у меня не вызывают полного доверия исследования, которые делают социальные сети основным источником качественной информации о закрытых сообществах. В то же время как дополнительный источник они могут быть чрезвычайно полезны. Моя узнаваемость в исследуемой среде позволяла поддерживать широкую сеть связей, при необходимости выходить на личный контакт с заинтересовавшим меня человеком и в дальнейшем встречаться с ним «в реале» либо проводить длинные дистанционные интервью, что несколько снижало связанные с использованием социальных сетей информационные риски. При этом эффективность

использования социальных сетей для решения исследовательских задач возрастала по мере того, как укреплялась моя репутация гражданского активиста на Северном Кавказе.

Кроме вполне традиционного использования социальных сетей для поддержания дальнейших контактов с участниками полевого исследования, я стремилась с их помощью обеспечивать продвижение в решении ряда дополнительных задач и расширение исследовательского инструментария.

Социальные сети в определенной мере позволили мне выйти за рамки первоначального круга контактов, оторваться от исходной «группы поддержки». В частности, через социальные сети удавалось получить дополнительные возможности доступа в закрытые местные сообщества, когда потенциал полевых контактов в этом отношении оказался исчерпанным.

Для меня также было важно мониторить общение между членами исламских фундаменталистских сообществ, их реакцию на те или иные общественные события, фиксировать разброс мнений между разными исламскими течениями по тем или иным вопросам и их динамику. Особый интерес представляли острые дискуссии, связанные с возвышением и последующим поражением Исламского государства. Определенную пищу для размышлений дало деление их участников на тех, кто стремится рационально оценивать происходящее и извлекать из него уроки, и на тех, кто считает необходимым двигаться курсом, вытекающим из разделяемой ими интерпретации священных текстов, вне зависимости от последствий.

В ряде случаев я стремилась организовывать коллективные сетевые обсуждения вопросов, представлявших для меня исследовательский интерес. Например, я попросила оценить исходя из норм шариата обвинение меня в использовании полевой работы для достижения скрытых целей контроля за мусульманами, прозвучавшее со стороны одного из пользователей. Последовавшая за этим дискуссия была очень информативна в двух отношениях. С одной стороны, она дала мне богатый материал для анализа собственного позиционирования в поле, связанных с этим исследовательских возможностей и ограничений. С другой — она позволила зафиксировать разнообразие мнений среди имеющих исламское образование участников дискуссии практически по всем ее аспектам (имею ли я право, не будучи мусульманкой, решать этот вопрос по шариатским нормам, на ком лежит бремя доказательств, как может быть квалифицировано деяние, какое возможно наказание и т. п.). Как и явное размежевание между теми, кто рассматривал шариат как универсальный принцип справедливости, и теми, кто использовал его для построения дополнительных границ свой — чужой (причем

в данном обсуждении первый подход был в большей мере характерен для старшего поколения).

Наконец, изредка сетевое взаимодействие давало возможность виртуально общаться с представителями наиболее радикального крыла исламских фундаменталистов, которые в этом общении имели возможность сохранять полную анонимность (обычно через какое-то время после подобного интервью они удалялись из социальной сети). Причем бывали случаи, когда такое общение происходило не только по моей, но и по их инициативе — у людей была явная потребность выговориться.

Позиционирование в поле — личный опыт

Стиль и характер моего взаимодействия с закрытыми сообществами на Северном Кавказе определялся не только спецификой этих сообществ, но и самой фигурой исследователя. С точки зрения возраста, гендера, научного бэкграунда, идеологических взглядов я вряд ли являюсь типичным представителем сообщества полевых исследователей. Необходимо оценить, каким образом мое позиционирование в поле могло повлиять на результаты работы.

96

К моменту начала исследования сообществ исламских фундаменталистов я занималась полевой работой на Северном Кавказе уже три года. К этому времени мне были понятны базовые характеристики исследуемого региона, наработана система контактов, определились основные подходы к позиционированию в поле. В то же время мой концептуальный багаж был минимален. Я не получала базового образования в этнографии или социологии, и мое самообразование в этих сферах только начиналось. Тем самым исходная теоретическая рамка исследования определялась скорее общими идеологическими и концептуальными ориентирами, а не какими-то конкретными социологическими теориями.

Не мог не воздействовать на выбранный мною угол зрения предшествующий опыт научной деятельности. Имея экономическое образование и интересуясь институциональной теорией, я и в поле обращала внимание в первую очередь на динамику ценностей и правил игры в исследуемых сообществах. Кроме того, достаточно долгое время я изучала теории революций, а потому естественным образом сосредотачивалась на характеристиках общественной трансформации, которая служила социальным фоном изучаемых мною процессов, и пыталась выявить взаимосвязи между ними.

Подобная ситуация определила как сильные, так и слабые стороны проделанной работы. Нельзя сказать, что я входила в поле совсем как «чистый лист», что, наверное, в принципе невозможно.

Но применительно к объекту моего исследования я не была ограничена жесткими концептуальными рамками, которые вынуждали бы меня обращать внимание на одни аспекты наблюдаемого и недооценивать другие, подгонять жизнь под ту или иную схему. При этом инструментарий моего исследования, как и пути решения возникающих этических проблем, формировались во многом интуитивно и осмысливались уже постфактум, и это создавало определенные трудности.

Образование, полученное в позитивистской парадигме, определило исходное понимание объекта и задач исследования. Однако по мере продвижения полевой работы и в результате дискуссий с коллегами происходили определенные сдвиги в направлении интерпретивистского подхода (свидетельством чему и является настоящая статья).

Мой возраст (женщина средних лет) и гендерная принадлежность, как мне представляется, не являлись значимым барьером для проведения исследования. Минусы и плюсы в данном случае примерно уравнивались. С одной стороны, тот факт, что я женщина, требовал более тщательной организации входов в поле, ограничивал мое общение с некоторыми категориями наиболее традиционных и ориентированных на гендерные стереотипы информантов либо делал его более конфликтным. С другой стороны, он обеспечивал большую искренность и готовность к исповеди. Если рассматривать мои отношения с информантами, многие из которых были намного моложе меня, с точки зрения этнографического фиктивного родства, можно предположить, что я была для них ближе всего к фигуре фиктивной матери, современной, держащейся на равных, понимающей, готовой выслушать и не осудить. Фигуре, на которую у выходящих из традиционного общества молодых людей уже возникает спрос, а вот предложение чрезвычайно ограничено.

Каким образом мои возрастные и гендерные характеристики влияли на состав участников исследования? Это во многом стало для меня сюрпризом. Я считала, что мне проще всего будет войти в закрытые сообщества через женщин-мусульманок. На практике все оказалось иначе. Я достаточно легко строила общение с мужчинами, а вот женщины шли на контакт гораздо сложнее и скорее на заключительных стадиях моей полевой работы. Судя по всему, здесь имел значение контраст между традиционным представлением о роли женщины в северокавказском обществе и моим позиционированием как во внешнем облике (обычно я носила джинсы и кроссовки и не покрывала голову), так и в поведении (достаточно активном и лидерском). В общении с мужчинами это, по моей оценке, играло позитивную роль, поскольку позволяло строить от-

ношения во многом вне сложившихся в регионе гендерных стереотипов, а вот женщин подобное смещение ролей отталкивало и отчуждало. Кроме того, в некоторых северокавказских республиках женщины-мусульманки слабо участвуют в общественной жизни, и мой вход в поле через практики гражданского общества не способствовал их вовлечению в исследование. Что касается доступа в женскую часть семей информантов-мужчин, то его обеспечение потребовало достаточно длительного времени. И хотя на настоящий момент позиция женщин в исследовании представлена более полно, чем на его начальных стадиях, гендерный сдвиг до сих пор сохранился.

Что касается моего общественного позиционирования, то, судя по всему, в восприятии основной части информантов я относилась к либералам. Подобное восприятие имело свои позитивные и негативные стороны. С одной стороны, меня в меньшей степени ассоциировали с властью, с государственными органами, помещая скорее в идеологическую, а не в административную систему координат. Это позволяло в определенной степени избегать искажений, определяемых отношением участников исследования к связанным с властью организациям.

98

С другой стороны, широко распространенное негативное отношение к либералам в мусульманской среде давало простор разнообразным теориям заговора. Один из вариантов я уже приводила выше, имея в виду дискуссии о шариатских нормах. Другими являлись разнообразные «шпионские» истории, причем я сталкивалась с ситуацией, когда абстрактное обсуждение вопроса об организациях — иностранных агентах на следующем шаге в передаче информации трансформировалось в «ты шпион». В то же время мое позиционирование как либерала вызывало не только отторжение, но и любопытство. На Северном Кавказе мне приходилось вести множество идеологических, ценностных дискуссий, которые способствовали снятию барьеров в общении. С этой точки зрения очень показательна следующая ситуация.

Мы с узким кругом моих махачкалинских друзей-мусульман сидели в кафе, отдыхая после окончания масштабного, сложного, потребовавшего от всех нас массы сил гражданского мероприятия, в проведении которого они мне активно помогали. И я поймала себя на том, что, несмотря на расслабленную атмосферу, продолжаю фиксировать какие-то интересные для меня как исследователя моменты и задавать соответствующие вопросы. Контраст между дружеским общением и отстраненной позицией наблюдателя оказался настолько силен, что я проговорила это вслух, попросив прощение за то, что даже в такой момент не могу забыть про потребности исследования. И услышала в ответ: «Да не волнуйтесь, Ирина,

мы Вас тоже изучаем». После чего на несколько часов наши роли поменялись, и они стали вести интервью, а я оказалась в положении информанта.

Дискуссионные вопросы методологии исследования

Описанная в данной статье методология исследования, очевидно, достаточно далека от классических канонов. Насколько это повлияло на достоверность и научную валидность полученных результатов? Я бы хотела прокомментировать три основных момента, по которым критиковалась либо могла бы критиковаться представленная методология.

Начать хотелось бы с того, чья позиция, собственно, отражена в исследовании. Широко распространено представление, что задача этнографической работы — в первую очередь передать голоса участников исследования, их взгляд на изучаемый предмет. В. Бобровников, анализируя ряд исламоведческих работ (мои в том числе) и в целом соглашаясь с тем, что исследователям ислама пора перейти от языка самоописания мусульманских обществ к языку их научного анализа, в то же время подчеркивает, что «для этого нужно сначала описать и проанализировать язык и способы описания современных мусульман» [2018: 314]. Тимоти Пачарт [Pachirat 2018] выделяет этнографию доверия, видящую свою цель в отражении того, как сами участники этнографического исследования понимают себя и свой мир, и этнографию подозрения, в рамках которой исследователь свободен интерпретировать происходящее не так, как его понимают участники исследования, и от него даже ждут этого. Я в своем исследовании не ставила задачу наиболее полно отразить взгляд, транслируемый членами изучаемого сообщества, и считала возможным интерпретировать и оценивать их позиции по тем или иным вопросам, обобщать полученный материал в рамках теоретических схем. Значит ли это, что мою работу можно отнести к этнографии подозрения?

Я бы скорее дала отрицательный ответ на этот вопрос. Более того, мне представляется, что данная классификация существенно неполна. Фактически она охватывает лишь случаи, когда исследователь смотрит на участников исследования сверху вниз и единолично выбирает, доверять ли им либо сохранять за собой право окончательной интерпретации. Мне гораздо ближе модель этнографии-диалога, совместного с участниками исследования производства смыслов. Так или иначе это происходит в любом исследовании. «Полевая работа, которая включает в себя включенные наблюдения и интервью, может быть адекватно охарактеризована как симбиотические отношения между участниками разговора, каждый из кото-

рых имеет возможность влиять на его ход» [Malejacq, Mukhopadhyay 2016: 1013]. Для меня это является сутью исследовательского подхода.

Каждой из сторон есть что привнести в подобный диалог. Участники исследования вносят свое понимание с точки зрения наблюдателя изнутри, исходя из собственной уникальной ситуации, иногда свое экспертное знание. Исследователь привносит свой внешний взгляд, отражающий вписывание местной ситуации в более широкий контекст, имеющиеся в изучении данного вопроса теоретические модели. Подобный формат не предполагает некритического восприятия чужого мнения. В диалоге мы можем не соглашаться друг с другом, спорить, отстаивать собственную позицию. Однако он требует уважения собеседника, восприятия его как соучастника, а не как объекта исследования.

В рамках подобной исследовательской парадигмы информирование участников исследования о его результатах является важнейшим элементом полевой работы. Я стремилась фреймировать этот процесс как отчет перед ними как субъектами, потратившими свое время и усилия на содействие в получении научного результата. Информирование осуществлялось в форме семинаров (в регионе либо Москве, куда мы приглашали наиболее активных участников), а также публикаций в СМИ, научных журналах, о которых заинтересованные участники исследования могли узнать через социальные сети. Обсуждение результатов для меня было, с одной стороны, частью научной работы, поскольку позволяло включить реакцию на полученные выводы в само исследование, с другой стороны, частью позиционирования в рамках гражданского общества, предполагающего в идеале горизонтальные, равноправные отношения между всеми его участниками.

Второй вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — это вопрос предвзятости. Многие исследователи закрытых сообществ вынуждены слышать подобные обвинения, и я здесь не исключение. Упреки в том, что я не объективна, не соблюдаю баланс, а становлюсь на одну сторону в общественном противостоянии, высказывались моими светскими знакомыми на Северном Кавказе, причем они звучали тем чаще, чем серьезнее я погружалась в исламскую среду. Среди коллег-ученых также получило определенное распространение мнение, что мои выводы получены в результате некритического восприятия того, что транслировали мне члены исламских сообществ, и не отражают объективную картину. В данном случае я не хочу вступать в спор об адекватности позитивистского понимания объективности. Хотелось бы обратить внимание на то, откуда могли взяться подобные представления и насколько они спровоцированы ограничениями самого исследования. Мне представляется, что в данном случае необходимо остановиться на двух моментах.

Во-первых, необъективность или предвзятость исследователя — вопрос, который уже довольно давно стал предметом самостоятельного изучения в этнографии. Ховард Бекер [Becker 1967], провокативно назвавший свою статью «На чьей мы стороне?», выделял две ситуации, в которых ученый может быть обвинен в предвзятости: ситуацию устойчивости политических иерархий и ситуацию политического конфликта. В первом случае, по его мнению, политической и социальной иерархии в обществе соответствует иерархия доверия. Считается, что те, кто находятся наверху социальной пирамиды и несут ответственность за те или иные процессы, способны увидеть более полную картину и дать более адекватную интерпретацию тем или иным событиям и процессам. Для хорошо социализированного члена общества мнение тех, кто находится на высших уровнях иерархии, представляется более объективным. Если исследователь нарушает эту статусную иерархию и пытается представить те или иные процессы глазами тех, кто оказывается в подчиненном положении и находится на «нижних этажах», он тем самым провоцирует обвинение в предвзятости. В ситуации политического конфликта все меняется. Иерархии доверия ставятся под вопрос. Стороны конфликта предлагают противоположные представления о реальности, и результаты исследования в этих условиях неизбежно политизируются. Здесь обвинения в предвзятости могут идти уже не от коллег, а от сторон конфликта.

101

Я проводила свое исследование в ситуации, когда на Северном Кавказе, по меньшей мере в некоторых его республиках, конфликт носил политический характер, тогда как в стране в целом установившиеся иерархии всерьез не ставились под вопрос. Поэтому я столкнулась с обвинениями как первого, так и второго типа. При этом то, что мой исследовательский подход не предполагал некритического воспроизведения позиции исламских фундаменталистов, не оказывал воздействия на оценку полученных результатов: достаточно было того, что они были соучастниками производства смыслов.

Во-вторых, специфика исследований закрытых сообществ действительно могла привести к тому, что на определенном этапе результаты исследования оказались сдвинуты в пользу наиболее образованных, толерантных и открытых слоев исламского фундаменталистского сообщества. Я чувствовала эту проблему как различие картинки, которая складывалась у меня в результате взгляда на закрытые сообщества изнутри и которую транслировали мне внешние наблюдатели, в частности, северокавказская (в особенности дагестанская) светская интеллигенция. В их характеристике неуважение к чужому мнению, стремление к агрессивному навязыванию собственных представлений о правильном со стороны

исламских фундаменталистов занимало центральное место. У меня в тот период не было возможности наблюдать подобные проявления в повседневной жизни, и соответствующие интенции не выражались моими информантами внутри сообществ.

Возникшему противоречию могло быть два альтернативных объяснения. С одной стороны, могли играть роль стереотипы и «страшилки», бытующие у внешних наблюдателей относительно ценностей и норм жизни закрытых сообществ. В результате частные факты приобретали глобальное значение, создавая ощущение усиливающегося давления и сжимающегося культурного пространства для светской интеллигенции. С другой стороны, мое восприятие могло быть не до конца адекватным в результате ограниченности доступа к малообразованным и наиболее закрытым слоям исследуемого сообщества, а также отсутствия возможности более глубокого погружения в исследуемую среду, связанного с постоянным проживанием в регионе, где проводились исследования. Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что мне могли транслировать отредактированную, приукрашенную картинку действительности.

102

В период проведения исследования я в основном придерживалась первого из заявленных выше объяснений. Мне было очевидно, что предрассудки в отношении исследуемых мною сообществ среди светской части горожан сильны, и это мешает им в полной мере адекватно воспринимать действительность. Когда я стала говорить с некоторыми светскими знакомыми в Махачкале об исламской интеллигенции, они изначально вообще отрицали ее существование, говоря, что мусульмане — это необразованные мигранты с гор. В ходе совместных мероприятий в рамках гражданского общества эти взгляды стали постепенно, хотя и не радикально, меняться.

В дальнейшем я пришла к выводу, что имеют значение оба из вышеназванных факторов. Наблюдение за культурными конфликтами в Махачкале, возникшими вокруг проведения нетипичных для города культурных мероприятий (выступлений приглашенных реперов, спектаклей с эротическими сценами, аниме-фестиваля), уже после завершения активной фазы полевого исследования позволило мне обогатить свои представления о позиции различных исламских групп в отношении альтернативных культур и выработать более сбалансированную позицию. Тем не менее проблема соотношения внешнего и внутреннего взгляда на происходящее в закрытых сообществах осталась для меня не до конца решенной.

В этих условиях, как уже отмечалось выше, основным способом проверки информации я считала пространственное расширение поля. Если определенные паттерны объяснения, поведения, взаимодействия между различными социальными группами регулярно повторялись в различных сообществах либо в территориально

разделенных объектах исследования, я считала, что их можно рассматривать как часть реально существующей картины или по меньшей мере ее действительного восприятия различными субъектами, а не сознательно транслируемой мне моими собеседниками, возможно, искаженной или приукрашенной, модели происходящего.

С несколько большей осторожностью я относилась к ситуациям, когда паттерны различались, но это различие могло быть объяснено разницей ситуации в тех сообществах/локациях, где проводилась полевая работа. Очевидно, теоретические представления исследователя в этом случае становятся принципиально важным опосредующим фактором, поскольку именно исследователь решает, что считать значимым, а что незначимым для объяснения различий. По мере того как в ходе полевой работы формировалась объяснительная модель, она неизбежно начинала оказывать все более серьезное влияние на ход проводимого исследования: эффект «чистого листа» (в той мере, в какой он вообще существовал) постепенно исчерпывался.

Говоря о предвзятости, хотелось бы остановиться еще на одном аспекте. Всегда ли эмоционально окрашенные отношения с участниками исследования, симпатия по отношению к ним становятся источником искажений результатов? Эмоциональные связи означают, что люди совместно переживают те или иные события или процессы. То, что эмоционально затрагивает участников исследования, не может быть безразлично исследователю. С моей точки зрения, если исследователь способен к перманентному самоанализу и не идет на поводу у собственных эмоций, для него подобная ситуация может стать источником дополнительной полевой информации. При таком подходе совершенно иначе воспринимаются слова Элис Гофман о том, что она была счастлива почувствовать желание убийства, возмездия внутри себя. Подобные чувства помогают лучше понять, что переживают участники исследования, каким образом формируются их мотивация и жизненные решения.

В ходе полевой работы на Северном Кавказе у меня не было оснований жаловаться на недостаток материала для подобной саморефлексии. Мне приходилось переживать трагические события, связанные с арестом и убийством близких знакомых; общаться с представителями силовых структур, подозревавших в моих коллегах боевиков или просто считавших нас нежелательным элементом; быть свидетелем и участником ряда инцидентов, связанных с унижением граждан представителями власти. Во всех подобных случаях я не стремилась отстраняться, но, напротив, эмоционально втягивалась в ситуацию и анализировала собственные переживания, пытаясь лучше понять ту эмоциональную атмосферу, в которой живут и действуют участники исследования.

Наконец, третий дискуссионный вопрос, который неизбежно возникает в рамках рассматриваемой методологии исследования, — это воздействие исследователя на само поле. Мой подход, связанный с активным вмешательством в деятельность гражданского общества в регионе, может быть подвергнут критике исходя из того, что я не только не стремилась минимизировать влияние исследователя на изучаемую среду, но, напротив, превратила это влияние непосредственно в инструмент исследовательской деятельности. В какой-то степени подобный упрек можно считать справедливым. Тем не менее, здесь необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, не очевидно, что задача минимизации воздействия вообще является полностью корректной. Само по себе появление исследователя в поле вносит искажения, которые практически невозможно оценить и учесть в полученных результатах. А использование модели этнографии-диалога с неизбежностью предполагает, что его стороны воздействуют друг на друга.

Во-вторых, мое воздействие осуществлялось, если так можно выразиться, по касательной к изучаемым объектам. Оно относилось не непосредственно к исламской, но скорее к гражданской идентичности членов интересовавших меня сообществ, а тем самым, если и влияло на объект исследования, то скорее опосредованно и косвенно.

В-третьих, принимая во внимание особенности объекта и организационные ограничения исследования, у меня было не так много этически приемлемых альтернативных стратегий, которые я могла бы использовать для проникновения в закрытые исламские сообщества.

Наконец, в-четвертых, эта деятельность не была манипулятивной. С моей точки зрения, она приносила пользу изучаемым сообществам, и даже при отсутствии исследовательских задач я бы занималась аналогичным просто из соображений общественного блага.

Использовавшийся мной проактивный подход к организации исследования неизбежно ставит еще один этический вопрос о позиции исследователя применительно к изучаемому сообществу. Можно ли считать, что в результате исследователь вольно или невольно стремится доминировать, и объекты исследования оказываются по отношению к нему в подчиненном, уязвимом положении? Исходя из опыта полевой деятельности, к проводимому мною исследованию скорее применима модель не доминирования исследователя, а гораздо более сложная модель, где и исследователь, и исследуемые взаимно влияют друг на друга и зависят друг от друга [Malejasq, Mukhopadhyay 2016]. «Исследователь может гораздо больше зависеть

от своих информантов, чем информанты от исследователя» [Ibid.: 1013], во всяком случае в определенных контекстах. Мои собеседники шли на контакт добровольно, и у меня не было никаких инструментов принудить их к этому. В их власти было в любой момент отказаться взаимодействовать, закрыть доступ к полю, и я вынуждена была с этим считаться¹.

Еще одним выводом из анализа более сложной модели распределения власти и доминирования в условиях полевой работы является то, что не только ученый способен манипулировать участниками исследования исходя из своих исследовательских задач, но и последние могут использовать его в своих интересах. Подобные непредсказуемые последствия взаимодействия с информантами в поле невозможно полностью предотвратить, однако можно попытаться выстроить нечто вроде негласного контракта, который определяет, какие способы использования собственных позиций и возможностей исследователь считает приемлемым. Участие в гражданских проектах, в том числе на общероссийском уровне, было не только важным источником позитивных изменений в гражданском обществе на Северном Кавказе, но и той своеобразной валютой, которой я расплачивалась с участниками исследования, и тем способом использования моих возможностей, который я считала для себя приемлемым.

105

Выводы

Итак, проведенные мною полевые исследования на Северном Кавказе позволяют выделить класс закрытых сообществ, нормы которого отличаются от приемлемых для мейнстрима, как особый объект изучения. В подобного рода сообществах практически невозможно стать своей, если имитация принятия характерных для них норм является этически неприемлемой для исследователя. Изучение проблематики радикального ислама потребовало от меня взаимодействия с сообществами исламских фундаменталистов и глубоко традиционными местными сообществами. В ходе работы использовались следующие инструменты смягчения характерных для исследования данных сообществ проблем:

- 1 В современной этнографии предпосылка о доминировании исследователя вообще ставится под вопрос и нередко рассматривается как часть «колониального наследия» в науке. Так, исследователи опасных полей отмечают, что в подобных условиях полевой работы роли радикально меняются, и как раз ученый часто оказывается в полной зависимости от своих информантов, которые гораздо лучше понимают особенности и риски местного контекста [Kovats-Bernat, 2002].

- активизация гражданской идентичности членов закрытых сообществ, взаимодействие с ними в рамках гражданского общества;
- расширение исследования вширь там, где его невозможно было продвигать вглубь;
- использование социальных сетей в условиях повышения моей узнаваемости в результате гражданской и просветительской работы в регионе.

Насколько универсально применимыми являются использованные мною исследовательские техники работы в закрытых сообществах? Думаю, что моему (хоть и ограниченному) успеху способствовала особая общественная атмосфера, когда близкая мне тематика гражданской активности, просвещения и прав человека играла важнейшую роль в общественном дискурсе. В период после завершения активной фазы исследования, когда общественная атмосфера изменилась, и в Махачкале, например, стала актуальной проблематика культурных конфликтов, вызванных стремлением некоторых исламских кругов унифицировать городскую культурную среду исходя из религиозных требований, применение аналогичного инструментария было бы гораздо более проблематичным. Это связано с тем, что этические проблемы, определяемые ценностными различиями, стали выходить на первый план. Размывалось то пространство, где я могла быть своей, не вступая при этом в разрушительный внутренний конфликт с собственными базовыми ценностями.

В то же время представляется, что такие подходы, как использование множественности идентичностей современного горожанина, развитие исследования вширь при невозможности продвижения вглубь, а также выделение особого класса сообществ, где метод «снежного кома» оказывается неэффективным и надо использовать другие исследовательские техники, имеют более широкое методологическое значение и могут использоваться исследователями закрытых сообществ в тех случаях, когда обстоятельства этому благоприятствуют.

Библиография / References

Армстронг К. (2013) *Битва за Бога: История фундаментализма*, М.: Альпина нон-фикшн.

— Armstrong K. (2013) *Battle for God: the history of fundamentalism*, Moscow: Al'pina non-fikshn. — in Russ.

Бобровников В. (2018) Парадоксы изучения современного ислама в России. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 36 (1): 310-322.

- Bobrovnikov V. (2018) Paradoxes in the Study of Contemporary Islam in Russia. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 36 (1): 310-322. — in Russ.
- Венкатеш С. (2018) *Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы*, М.: РИПОЛ-классик.
- Venkatesh S. (2018) *Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to the Streets*, Moscow: RIPOЛ-klassik. — in Russ.
- Макаров Д. (2000) *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*, М.: ЦСиПИ.
- Makarov D. (2000). *Official and Unofficial Islam in Dagestan*, Moscow: TsSiPI. — in Russ.
- Рӯа Оливье (2018) *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*, М.: Фонд Марджани.
- Roy O. (2018) *Globalized Islam. The Search for a New Ummah*, Moscow: Mardjani Fund. — in Russ.
- Becker H. S. (1967) Whose Side Are We On? *Social Problems*, 14 (3): 239-247.
- Behar R. (1996) *The Vulnerable Observer. Anthropology That Breaks Your Heart*, Boston: Beacon Press.
- Campos P. (2015) Alice Goffman's Implausible Ethnography. *Chronicle of Higher Education*, August 21.
- Chancer L., Jacobson M. (2016) From Darling to Demon: In and Beyond Goffman's On the Run. *Sociological Forum*, 31 (1): 241-249.
- Goffman A. (2014) *On the Run: Fugitive Life in an American City (Fieldwork Encounters and Discoveries)*, Chicago; London: University of Chicago Press.
- Jauregui B. (2013) Dirty Anthropology: Epistemologies of Violence and Ethical Entanglements in Police Ethnography. W. Garriott (ed.) *Policing and Contemporary Governance: the Anthropology of Police in Practice*, N. Y.: Palgrave: 125-156.
- Jauregui B. (2017) Intimacy: Personal Policing, Ethnographic Kinship, and Critical Empathy (India). D. Fassin (ed.) *Writing the World of Policing: The Difference Ethnography Makes*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jones G. A. (2019) Ethnographies and/of violence. *Ethnography*, 20 (3): 297-319.
- Koehler D. (2017) *Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for counter-ing violent extremism*, London; N. Y.: Routledge.
- Kovats-Bernat J. C. (2002) Negotiating Dangerous Fields: Pragmatic Strategies for Fieldwork amid Violence and Terror. *American Anthropologist*, 104 (1): 208-222.
- Lubert S. (2014) Ethics on The Run. *The New Rambler Review*, Chicago: University of Chicago Press.
- Lubert S. (2015) Alice Goffman's Denial of Murder Conspiracy Raises Even More Questions. *The New Republic*, June 3.
- Malejacq R., Mukhopadhyay D. (2016) The 'Tribal Politics' of Field research: A Reflection on Power and Partiality in 21st Century Warzones. *American Political Science association*, 14 (4): 1011-1028.
- Pachirat T. (2018) *Among Wolves. Ethnography and the Immersive Study of Power*. London; N. Y.: Routledge.

Roy O. (1994) *The Failure of Political Islam*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Robben A. C., Nordstrom C. (1995) *The Anthropology and Ethnography of Violence and Sociopolitical Conflict*. C. Nordstrom, A. Robben (eds) *Fieldwork under Fire*, Berkeley: University of California Press.

Sageman M. (2016) *The Turn to Political Violence in the West*. R. Coolsaet (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, London; New York: Routledge: 117-129.

Sluka J. (1999) *Death Squad: The Anthropology of State Terror*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Рекомендация для цитирования:

Стародубровская И. В. (2021) Исследование закрытых сообществ: заметки о чужом и собственном опыте. *Социология власти*, 33 (3): 78-108.

For citations:

Starodubrovskaya I. V. (2021) Research of "Closed Communities": Notes on My Own and Others' Experience. *Sociology of Power*, 33 (3): 78-108.

Поступила в редакцию: 04.09.2021; принята в печать: 20.09.2021

Received: 04.09.2021; Accepted for publication: 20.09.2021